

Е.Н. Обоймина, О.В. Татькова

Круут-Лотарева Фелисса

(1902–1957)

Впервые «король поэтов» Игорь Северянин побывал в поселке Тойла на побережье Эстляндской губернии в 1912 году. В дальнейшем Игорь Васильевич жил здесь в летние месяцы, отдыхая от литературной и гастрольной деятельности. А в 1918 поэт перевез сюда больную престарелую мать. Здесь же он и остался во время немецкой оккупации, а потом, когда образовалась Эстонская буржуазная республика, оказался за пределами родины.

Все эти годы в Тойле Северянин снимал у Михкеля Круута дачу — словно вросший в землю домишко со скудной обстановкой. Одна комната служила поэту кабинетом, другая — гостиной.

Когда Игорь Васильевич впервые появился в поселке, Фелиссе, дочери Круута, было десять лет. В 1921 году ей исполнилось уже девятнадцать. Как-то поэт забрел на вечеринку в зал местного пожарного общества. Парни приветливо закивали ему, приглашая на кружку пива. Девушка на сцене читала стихи по-эстонски. Поэт, очарованный талантом чтицы, подошел ее поздравить. А через некоторое время жители поселка стали часто встречать свою землячку в соседнем парке в обществе известного стихотворца.

Девятого октября
Ты встретила мне, даря
Святое свое святых
И свой непорочный стих.

С тех пор я, ничей, стал твой,
И ты над моей листвой —
Оранжевая заря
С девятого октября.

21 декабря 1921 года Игорь Васильевич Лотарев (настоящая фамилия Северянина) и Фелисса Михайловна Круут обвенчались в Тарту. Юная эстонка, перешедшая в православие, была без памяти влюблена и не сводила с поэта восхищенных глаз. Невеста уже под венцом была беременна — 1 августа следующего года у Лотаревых родился сын. Поэт впоследствии рассказывал, что при крещении ребенка имя, выбранное родителями в честь античного бога вина и плодородия, показалось священнику несколько странным и языческим, но отец доказал, что в святцах есть и мученик Вахх...

Игорь Васильевич, прожив долгие годы в Эстонии, не знал эстонского языка и переводил поэтов республики по подстрочникам своей жены. Во время частых заграничных гастролей он, наряду с собственными произведениями, читал стихи эстонских лириков в своем переводе. Фелисса Круут, одетая в эстонский национальный наряд, декламировала те же стихотворения в оригинале.

Фелисса Михайловна слыла женщиной незаурядной во всех отношениях: она писала стихи и переводила. Новая муза поселилась в стихах «короля поэтов» и словно бы водила его пером. Буквально чуть ли не каждый шаг — даже двухдневную разлуку — фиксировал он в стихах, своего рода дневнике любовных переживаний. В течение долгих лет он воспевал свою Фелисочку — высокую, с лебединой шеей...

«Поэт имел много друзей и спутниц — венчаная жена была одна-единственная, — пишет о Северянине Андрей Петров. — Он несказанно гордился этим и постоянно это обстоятельство подчеркивал. “Дорогой Фелисочке в день пятой годовщины моего единственного законного брака. Ее Игорь”, — напишет он ей на подаренном томике Блока. К сыну он тоже относился с восторженностью, быть может, нарочитой.

Он, казалось, был поистине счастлив, сменив кабаретную певичку (Марию Волнянскую) на восторженную и восторгающуюся им единомышленницу, истинную половинку самого себя, перед которой не таил былых увлечений. Она выступала в его концертах, и ее псевдоним — Ариадна Изумрудная! — напоминал о былой вычурности его поэзии. Так уж устроен поэт, что сердце его не осталось вместилищем одной любви — ностальгия по юным годам, первому увлечению выплескивалась в стихи. Свою первую любовь — Евгению Тимофеевну Гуцан — поэт называл Златой, и хоть клялся в стихах Фелиссе, что она ему “дороже первой Златы”, предельную по откровенности выраженных чувств “Падучую стремнину” он писал именно о Злате...»

Чего только не случается в жизни! Злате, жившей в Германии, попало на глаза стихотворение Северянина, и она отправила письмо поэту. И поездка за границу четы Лотаревых осенью 1922 года состоялась во многом благодаря Злате: бывшая любимая женщина наняла для Игоря Васильевича и его юной жены квартиру.

«Со мной в Берлин едет эстийская поэтесса Фелисса Круут, — сообщал Северянин в письме одной доброй знакомой, поддерживавшей его материально. — Она — девятнадцатилетняя очаровалка. Теперь я совершенно оправился от той жуткой нервозности, которая терзала меня жестоко в иных условиях... Моя жена действует на меня благотворно: я абсолютно свободен, она совсем не ревнива, современна, чутка, развита и талантлива».

Они прожили вместе четырнадцать лет. Вакх подрос, пора было заниматься его судьбой. Мать, конечно, переживала, а отец казался равнодушным. Жить становилось все тяжелее: досаждали болезни и нужда. Доходило до того, что поэт обивал пороги таллиннских отелей, разыскивая заезжих знаменитостей, чтобы продать им свои стихи с автографом...

В политических деяниях эмиграции, ее спорах и склоках Северянин, как известно, участия не принимал, а воинствующих антисоветских эмигрантов даже сторонился. Когда осенью 1939 года советский полпред в Эстонии спросил поэта о его политическом статусе, тот ответил: «Прежде всего я не эмигрант. И не беженец. Я просто дачник. С 1918 года». Ему удалось издать несколько сборников и роман в стихах, но вышли они очень небольшими тиражами.

Летом поэт пытался сбывать дачникам пойманную рыбу. Правда, ему помогали — Рахманинов присылал доллары из своего фонда, из Стокгольма откликалась добрый ангел-хранитель Августа Баранова, правительство Эстонии выделяло субсидии из так называемого «культурного капитала»...

«Мне кажется, что Игорь Северянин как поэт всегда жил в двух измерениях: реальная жизнь, где его постоянно ожидали удары и из которой он постоянно пытался бежать, и мечта, сказка, которую он создавал на свою потребу и в которой всегда находил себе удобное место, — размышляет в парижской газете “Русская мысль” Лазарь Городницкий. — В созданном им мире королей и пажей он выбрал себе роль пажа, затем наступила очередь “Миррэлии”, придуманной им страны, где люди жили по принципам, исповедуемым им самим, а на смену ей пришла сказочная Россия с цыганами и разбойниками, с хмельными брагами, избяными бабами и т. п. В этой сказочной России было все возможно, даже возврат поэта с семьей, и однажды, обращаясь к жене, он богомольно произнес:

И будет вскоре весенний день,
И мы пойдем домой в Россию...
Ты шляпу шелковую надень:
Ты в ней особенно красива...
И ты прошепчешь: “Мы не во сне?..”
Тебя со смехом ущипну я
И зарыдаю, молясь весне
И землю русскую целую!».

Фелисса Михайловна не бездельничала: работала простой рабочей сначала на шелковой фабрике, затем на заводе, где схватила воспаление почек. «Но жить становилось все тяжелей, — констатирует А. Петров. — Поэт уходит из семьи. Последней спутницей его стала учительница Вера Борисовна Коре иди (Запольская). С нею они живут в Таллинне,

---

Усть-Нарве... С Фелиссой они не разводились, и к ней по привычке заявлялись газетеры за интервью...»

Последние годы Игоря Васильевича, прожитые без Фелиссы Михайловны, были омрачены материальными лишениями. В одном из писем к Барановой, уже в 1937 году, он жаловался:

«Я в полном одиночестве... Горчайшую нужду переживаю... Конечно же, я ничего ровно не пишу... Болезнь сердца: застарелый аппендицит, сердце изношено...»